

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№
5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19.

Открываю десятую главу книги академика Рафаэля Гусейнова и погружаюсь в далёкий мир с его законами, событиями, традициями, порядками и людскими судьбами. Называется она так: «Человек с солнечным именем». Эпиграфом к этой главе, автор неспроста выбрал слова Шамса Тебризи:

*Истинный друг должен быть
великодушным, как Аллах.
Терпеть изъятия и неприятные стороны
друга, не обижаться на его ошибки.*

И автор этих мудрых строк абсолютно прав, ибо истинная дружба не только между людьми, но и странами других отношений не приемлет. До нас сквозь 8 столетий донеслись и другие крылатые фразы Шамса Тебризи, среди которых такие, как «Человек без науки – город без воды», «Блаженны бдеющие души, когда не зрячи очи. Но горе тем, чьи души спят, а очи бдят», «Алчный не возвысится, бережливый не унижится», «Хлеб не обойдет человека».

Называя его нашим великим соотечественником, автор книги академик Рафаэль Гусейнов, поясняет, что именно ему, Шамсу Тебризи, выпала честь стать наставником мудрейшего Джалалеddина Руми. И буквально строчкой ниже он с горечью сокрушается по поводу того, что Азербайджан ещё недостаточно знает этого корифея. «Так кто же он? Человек, перед которым почтительно склонял голову всемирно признанный, всесветно знаменитый Джалалеddин Руми? И почему мы так редко отворяли дверь в мир гения, пережившего столетия? Почему мы не ведаем в должной мере о многотрудной и многособытийной жизни, о поучительных уроках судьбы Шамса Тебризи?» Задавая такими вопросами, автор, побуждает и нас, читателей этой удивительной книги под названием «Вознесение слова», проникнуть в тайны далёких столетий. Здесь же на странице 269 мы узнаём о том, что «Джалалеddин Руми был сыном известного учёного и все окружающие прочили ему славу «султана улемов» – светила науки, и не ошиблись в прогнозах».

Далее мы узнаём о том, что «до судьбоносной встречи с Шамсом, которая произошла 29 ноября 1244 года, жизнь Руми протекала по обычному руслу. «Он был поглощён наукой, религиозным радением, проповедовал в четырёх медресе в родном городе Конья». Судьбе было угодно, чтобы в это же время дороги привели в этот турецкий город и 60-летнего Шамса, который «до прибытия в Коню некоторое время улемствовал в Арзруме, участвовал в дискуссиях с багдадскими философами» (1241).

«До встречи с Шамсом, – сообщает автор книги, – муза Джалалеddина безмолствовала; они встретились, сдружились, стали собратями, и Джалалеddин вырос в Мовлану – под таким почётным титулом «мудрец», «ведун» Руми останется в истории».

Шамс – означает солнце. «Так и Шамс вззошёл в жизни Джалалеddина, как дневное светило, и турецкий гений засиял под животворным воздействием тебризского корифея, засверкал столь ослепительно, что, похоже, как бы заслонил Шамса...»

По всему видно, именно так и произошло, «ибо тебризцы не знают досконально своего великого земляка, не говоря уже о бакинских литературных кругах и других краях Азербайджана».

Между тем Джалалеddин Руми, обессмертивший себя, в первую очередь, поэтическим наследием, «Месневи» и «Диваном» стихов, «а также духовной и нравственной высотой своей личности, высоко отзывался об энциклопедической эрудиции тебризского друга, о его осведомлённости в философии, химии, математике, астрономии, логике, богословии, в самых важных отраслях тогдашнего научного знания... А мы относимся к объекту этих восторженных отзывов, как дальние родственники... Насколько это справедливо?», – пишет автор книги.

Шамс же превозносит своего друга Мовлану – Руми: «Ныне ему нет равных во всём мире. Он превосходит крупнейших учёных во всех дисциплинах, религиозных знаниях, в грамматике, синтаксисе, логике. И если бы я трудился на этих попранных, необходимых в умственном отношении, хоть сотню лет и тогда бы не мог добиться одной десятой части его знаний и достижений. А он считает себя несведущим. В моём присутствии, внимаю мне, он ведёт себя как двухгодовалое дитя перед отцом, и когда хочет уяснить какую-то частность содержания, робко говорит: «Зазорно, как же я могу разглагольствовать при вас»...»

А мы, соотечественники Шамса, который станет великим поэтом Азербайджана, поспешили на должное внимание к этому титану.

На мой взгляд, следует рассмотреть жизнь этих двух титанов по отдельности. Начнём с Руми, который в начале XIII века, а точнее, в 1214 году вместе с отцом покинул город Балх, куда ворвалась орда Чингизхана, разграбив и предав огню и мечу этот город.

Отцу Руми пришлось, сменив одежду, покинуть родину. Он вместе с семьёй устремился в Нишапур, гремевший тогда научными очагами, творцами искусства. Затем направился в Багдад, далее – в Азербайджан, Арзинджан и, наконец, в Коню, где после многих перипетий семья обосновалась и «где вззошло нетленное поэтическое слово Руми, обнимающее и приветствующее всех людей Земли безотностельно их верования».

*Приди, кто бы ни был ты, приди.
Огнепоклонник, христианин, мусульманин или иудей,
Пусть даже сотню раз «товбою» пренебреж своей.
Приди, ибо наша дверь – надежды врата.*

На 274-й странице автор пишет о том, что изначально Руми превзошёл узаконительное пространство и выступал как гражданин мира.

«Ещё великий Гёте, ознакомившись с творениями Руми в недоброкачественном переводе, признал его гениальность и включил в плеяду звёздных поэтов Востока».

Французский писатель Морис Баре оставил такое примечательное признание: «По прочтении Руми я узрел, чего не достаёт у Шекспира, Данте, Гюго...». Поистине, само это сравнение ясно даёт ощутить всё величие Джалалеddина.

А Махатма Ганди любил повторять следующие строки Мовланы Руми:

*Мы явились, чтобы объединяться,
Но не затем, чтобы разлучать, явились.*

Джалалеddин Руми ратовал за взаимопонимание между людьми и народами: «Лучше понимают друг друга не те, кто говорит на одном языке, а те, кто сопереживает одинаково».

Эти высокие гуманистические принципы творчества Руми обусловили акцию ЮНЕСКО, объявившего 2007 год годом Джалалеddина Руми. И 800-летие классика было отмечено на международном масштабе. «Люби человека за то, что он – человек», – провозглашал великий гуманист, Его «Маснави-йе маневи» – «Масневи о духовности», – ныне в ряд ценнейших книг мировой литературы», – сообщает автор на странице 275, делаясь с читателями своими личными наблюдениями и впечатлениями.

«Освящённый очаг Руми в Конье ежегодно посещают не тысячи, а миллионы людей. Я вочию видел и дивился, что большинство этих посетителей – не гости с

Востока, а европейцы. Я удивлялся, замечая в потоке восточной публики китайцев, японцев. Впрочем, зачем удивляться? Человек рвётся туда, где находит и обретает искомое. Мовлана дарит людям душевное равновесие, внутреннюю гармонию, умиротворение и надежду...»

В доме-музее Руми есть большие часы – дар англичан, преподнесённый в XIX веке. Часы идут. При взгляде на них невольно переводишь взор на свои наручные часы, думаешь, что часы Мовланы ведут иной отсчёт, преступающий обычную хронологию. Это часы – «дальнего следования». По ним человечество может сверять время своей истории».

Выходит, творчество поэта было знакомо всем этим людям, и они разделяли взгляды поэта на земное мироустройство, стараясь отгадать его своим почтительным вниманием и удивительными дарами. Далее автор пишет о том, что «имя и слово Руми всегда было чтимо и любимо в Азербайджане. Как имена Низами, Насими, Хагани, Физули...» и тут же поясняет, что эту любовь углубляло «ещё то, что у Руми был такой друг, уstad и единомышленник, как великий азербайджанский мыслитель и поэт Шамс Тебризи».

Провидению было угодно, чтобы два этих великих человека встретились именно в городе Конья, который автор книги называет историческим стыком цивилизаций. Этот город 300 лет был столицей сельджуков и в средние века лидировал, как культурный центр Туркестана, а ныне является одним из крупнейших городов Турции, более того, превосходит по площади иные европейские государства. «Это – четвёртый по численности населения (2,5 миллиона человек) город Турции, здесь Сельджукинский университет (85 тысяч студентов) – крупнейший очаг образования в стране. Но главное, уникальное обстоятельство – то, что Конья – город Мовланы, хотя он родился в 1207 году в городе Балх, дальнейшая судьба и жизнь Руми всецело связаны с Коньей».

Трудно сказать, как сложились бы судьба Руми, останься они в Балхе... Но почему именно Конья?

И Рафаэль муаллим даёт очень интересный с точки зрения истории человечества ответ на этот вопрос: «В 1219 году на престол вззошёл видный полководец того времени, покровитель наук и искусств Алаздин Кейгурад, который превратил столицу Коню в процветающий очаг культуры, пригласив сюда всех именитых учёных и служителей муз. В их числе оказался и отец Руми, учёный Бахаеddин Велед, «султан улемов», оставивший потомкам четырёхтомный философский трактат «Маариф» – «Просвещение». Прибыл он сюда с семьёй и был первым учителем будущего классика». Автор книги приводит на странице 279 такой примечательный эпизод: «Кейгурад со свитой привечает Веледа, оказывает честь и даже порывается поцеловать учёному руку, но тот вместо руки протягивает правительскую свою трость. Кейгурад, демонстрируя любовь, прилагает устами к трости. И не только приглашает отца Руми во дворец. «Я уступаю тебе трон и венец, унаследованный от моих предков. Отныне ты – султан, а я – твой подданный, – скромно и великодушно говорит он. Бахаеddин, тронутый этой необычайной любовью, целует правителя в чело: «Восседай на престоле своём и служи народу своему...» Султан предоставил новоприбывшему учёному и сад на восточной стороне городской крепости. «Бахаеddин Велед, созерцая сад, обратил внимание на холм, задержал на нём взгляд, задумался: «Вот этот курган и будет последним приютом моим и моих потомков. И превратится в святилище... И время подтвердит эти слова», – читаем мы на странице 280».

В 1231 году, зимой отец Руми уходит из жизни. Кейгурад высоко ценивший Веледа, целую неделю не покидался на троне.

«Угасло светило духа. И вззошло другое – Джалаеddин Руми».

В 1225 году он женился на дочери мюрида своего отца, разделив с ним тяготы исхода из Балха, Шарафеddина Лала Самарганди, ангелоподобный по нраву Фехвар ханум. Первенца нарекают Султаном-Веледом. Второго сына Джалаеddин назвал Алаеddином Челеби.

Родитель продолжался в чадах своих, долгие десятилетия живут творения родителя, дух и образ мысли родителя.

Уже многие и многие годы тысячи людей открывают книгу Мовланы, входят в его мир, преступают порог его очага, где продолжает звучать протяжный и переливчатый древний голос поэта. И поэтическая исповедь Руми – «Месневи», начинается аккордами, посвящёнными нэо:

*Внимай же нэо, скажу моему,
Сказалась в нём тоска и боль разлуки.
Сработан из отрезка тростника,
Печаль моя всех повергает в муку.*

И магический голос нэя Руми, зазвучавший в далёком XIII веке, продолжает звучать и по сей день, внушая людям завет мудрого уstadа: «Какжись, каков ты есть, и будь таким, каким кахешься».

Продолжение следует. Подготовила
Медина ГАСАНОВА